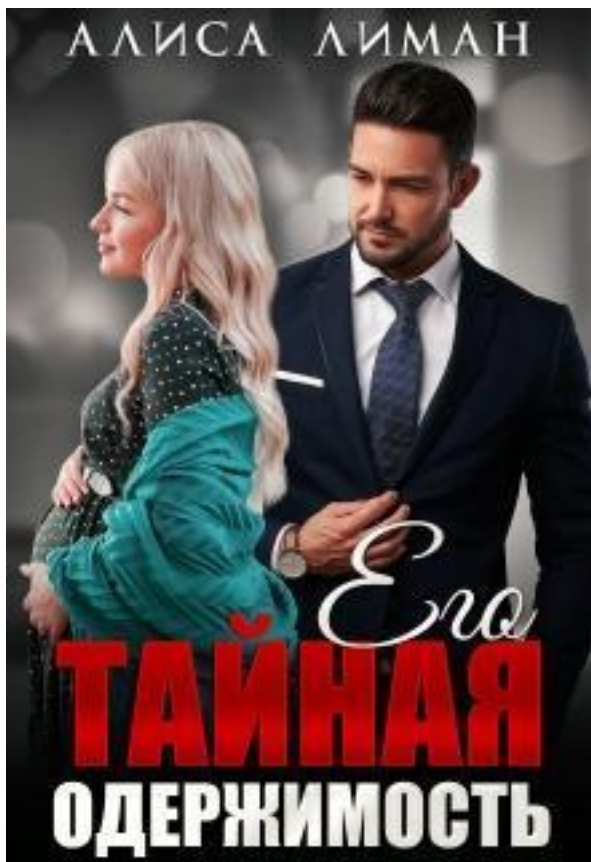

АЛИСА ЛИМАН

Алиса Лиман

Его тайная одержимость

<https://litres.ru/74205388>

Аннотация

НОВИНКА АВТОРА♥# "Ты (не) вернешь нас, офицер"
— Зачем ты приехала?! — в его глазах загорается недобрый
огонь. Цепенею от ужаса. Безумец, чьего имени я даже не успела
узнать — будущий муж моей сестры. И отец моего ребенка.
ОДНОТОМНИК!

Содержание

Пролог	4
1.ОН	14
2.ОН	18
3.ОН	23
4.ОНА	29
5.ОН	35
6.ОН	40
7.ОНА	46
8.ОНА	52
9.ОНА	57
10.ОН	62
11.ОН	67
12.ОН	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

— Соня, поторопись! — ворчит мама.

— Не подгоняй ее, — тормозит ее отец, и помогает мне выбраться из машины, что за нами прислала сестра. — Ей же за двоих стараться приходится.

— Эка невидаль, — отмахивается мама. — И я беременной была! Дважды, между прочим! И не жаловалась!

— Она и не жалуется, — шикает на нее папа. — А ты, помнится, обе беременности провалялась, задрав ножки кверху! А ее заставила за тридевять земель на свадьбу тащиться!

— Так сестра ведь! — всплескивает руками мама. — Да где ж это видано, чтобы к сестре родной на свадьбу не явиться?!

— Действительно, — хмыкаю я, переводя дыхание, и оправляя складки своей куртки-колокольчика, — где это видано?

Не могу сдержать язвительности, которую мама тут же вычисляет:

— София, ты мне вот это закругляйся! Сколько еще раз тебе сказать: была Галина на твоей свадьбе!

— Что-то я ее в ЗАГСе не встретила! Так уж торопилась? Да и потом как-то так вышло, что ее в принципе видела только ты, — не могу удержаться от сарказма.

— Была она! Хоть у отца спроси! В столовую приехала!

Кто ж тебе виноват, что ты сама с торжества сбежала, и так с сестрой и не встретилась?! — отчитывает меня мама. — Тамада ей, видите ли, не понравилась! Глядите, какая переборчивая! Сама бы заработала на ту, что подороже, тогда бы и возмущалась! А-то и мы из-за этой позорной свадьбы до сих пор в долгах, как в шелках, и на Генку кредит повесила, что мальчишке пришлось в город ехать, чтобы денег заработать!

— Я вообще-то ни у вас, ни у Генки этой свадьбы не просила! — не выдерживаю.

— Еще и хамка! — мама поджимает губы, и прямо смотрит мне в глаза, где должно быть ожидает увидеть раскаяние. Но его нет. — Тфу, бесстыжая!

— Татьяна! — рывкает папа. — Мы как родители обязаны были позаботиться, чтобы у нашей дочери была достойная свадьба. Как не стыдно попрекать?!

— Вот-вот! У дочери! А их у нас две, если ты не забыл! — мама упирает руку в бок, принимая свою привычную враждебную стойку. — Так Галина ни копейки на свою свадьбу не попросила! А эта мало того что со свадьбы сбежала, чем нас поставила в неловкое положение, так еще и мужа своего...

— Таня! — одергивает маму папа, и бросает на меня сочувствующий взгляд.

— Тфу! — повторяет мама и направляется к огромному особняку, к которому нас доставило такси.

Я бы присвистнула, если бы умела. Вот это домина.

Мама, конечно, все уши прожужжала, что Галка себе

выгодную партию урвала, мол, олигарх, красавчик, с двумя высшими образованиями. Но признаться, я думала, что она как обычно приукрашивает Галины заслуги.

Походу нет. Респект. От своей старшей сестры я меньшего и не ждала. Она у нас с детства – королева.

— Не обращай на нее внимания, — папа похлопывает меня по ладони, что лежит в сгибе его локтя. — Она, видать, за Галку переживает, вот и взбеленилась.

— Все хорошо, пап, — улыбаюсь ему, чтобы подбодрить. — Я только тебя боялась расстроить. А к маминому ворчанию давно привыкла. Она ведь вечно говорит, что я – катастрофа, разве я могу ее разочаровывать?

Смеюсь, подмигивая папе.

— Ты у меня такая девочка умненька, — поджимает губы. — И почему в деревне осталась? Надо было тебя силком в университет засунуть. Вот бы кто точно гордостью нашей семьи был. А не Галка, которая только задницей светить умеет!

— Так я еще стану! Ты меня со счетов-то не списывай, — бодро отзываюсь я. — И видишь, как удачно я на заочку пошла. Учись я на дневном, сейчас бы пришлось академ брать. А так и на ляльку времени будет достаточно, и учиться буду успевать. Еще бы работу найти нормальную...

Признаться, на дневной я не пошла именно из-за папы. И он, скорее всего об этом догадывается, хотя вслух я никогда ему об этом не скажу.

Пришлось бы переехать в город, в общежитии жить, и кто бы

за ним следил? Маме не до того, работает сутки-двое. Да и женщина она у нас взрывная, порой может забыться, как сейчас. А папе нервничать нельзя. Сердце у него больное. Поэтому я изо всех сил стараюсь его не огорчать. Плохо выходит, ведь я — девочка-катастрофа. Но даже когда случается что-то из ряда вон выходящее, я стараюсь никогда не показывать ему своих истинных эмоций. Лишь бы не нервничал. А то давление скаканёт и пиши пропало. Потому что скорая до нашей деревни едет ой как не быстро.

— Ты и так моя гордость, — папа чмокает меня в макушку. — Ладно, пойдем уже с Галкиным завидным женихом знакомиться. Не зря же нас твоя мать силком сюда приволокла.

Папа хочет взять сумку, которую мама от души нагрозила купоркой. Но я опережаю, и, подхватив тяжелую ношу, спешу к входной двери.

— Ну, куда ж ты... — папа едва поспевает за мной. — София, ну-ка поставь немедленно! Еще не хватало беременной таскать тяжести!

Хочет казаться строгим, да только одышка мешает. Сбавляю темп, но не позволяю ему меня догнать:

— Пап, ну чего со мной станется? — усмехаюсь. — Максимум рожу. А тебе еще не хватало в больницу загреметь и Галкину свадьбу пропустить.

— Да ну тебя, — отмахивается, и тяжело упирает руку в перила на крыльце. — Хоть выплусь в больнице. А то мать

твоя, хлебом не корми, в шесть утра подъем.

Как всегда отшучивается.

— Режим – это хорошо! — киваю я.

— Ты иди, дочка, — велит папа. — Я воздухом свежим подышу, и зайду.

Дух перевести хочет. Это у него бывает.

Соглашаюсь его оставить только потому, что в туалет очень хочу. Дорога долгая была. Малыш придавил мочевой.

Вхожу в дом, и не обнаруживаю ни одной живой души. Должно быть, Галька уже утащила маму своими владениями хвастаться.

До сих пор не понимаю, зачем мама и нас притащила. Как я поняла, свадьбы как таковой не будет. Просто распись. Поэтому Галя только ее звала, фактически. У папы же со здоровьем проблемы, ехать так далеко. А я бы его одного не оставила дома, — это всем известный факт.

Но мама решила ей сюрприз сделать. Это еще благо, что она остальную деревенскую родню не подтянула. Для сюрприза. Могла бы.

Представляю себе лицо Гали, когда бы ее крутой особняк заполонили наши многочисленные тетки и дядья, со всеми своими выводками детей, у которых уже и своих детей полно.

Смеюсь в кулак, и наконец опускаю клетчатую сумку посреди холла.

Так. Надо туалет бы найти.

Скинув обувь, крадучись вхожу в один из просторных ко-

ридоров. Толкаю первую попавшуюся дверь, пытаюсь сориентироваться, что тут хоть за помещения.

Замечаю в глубине комнаты массивный дубовый стол. Огромный монитор. И макушку мужчины, восседающего перед ним в кожаном кресле.

— Ой, простите, — бормочу, понимая, что знатно так ошиблась.

Походу жених моей сестры и не торопится встречать гостей. Оно и понятно. Такие хоромы, должно быть немалых усилий стоят. Может он как раз сейчас какой-нибудь миллионный проект разрабатывает. А я тут со своим туалетом.

Захлопываю дверь и поворачиваюсь к той, что напротив. Может здесь? Мне уже прям очень надо.

Попала! Уф, слава богу! Думала, придется бежать уже на улицу, туйки удобрять.

Быстро облегчившись, становлюсь перед зеркалом и включаю кран. Блин, волосы все растрепались с дороги. Пытаюсь придать им более ухоженный вид, но выходит не очень.

Ладно, в конце концов, не меня сватать приехали. Да и быть гадким утенком при своей сестре-лебедь мне и вовсе не привыкать. Это даже удобно. Избавляет от ответственности, так сказать. Когда все взгляды прикованы к ней, мне нет надобности держать лицо. А делаю я это частенько, не желая делиться с кем-либо своими настоящими чувствами.

Пожалуй, там все чаще разочарование. В собственной

жизни. Я будто все делаю не так. Об одном только не жалею...

Бодро вздергиваю голову, и обнимаю свой живот, что под курткой почти и не заметен, хотя уже восемь месяцев стукнуло.

Этот малыш. Он — моя отдушина.

Когда становится совсем грустно, я беру с полки в своей комнате сказки и читаю ему, представляя, как скоро буду качать его на руках, как он будет расти, делать первые шаги, назовет меня мамой...

Ну вот, и лицо уже держать нет надобности. Расплылась в улыбке и на душе хорошо так.

Дергаю ручку двери, продолжая пялиться на свой «бодрящий» животик, поворачиваюсь, чтобы аккуратно прикрыть дверь.

— Соня, — раздается за спиной бархатистый баритон.

Я судорожно вдыхаю, в надежде, что мне просто почудилось.

Тот безумец ведь даже имени моего не знал. Как и я его. Это не может быть он...

— Сонечка, — выдыхает уже где-то в моих спутанных волосах, вынуждая тело покрываться мурашками.

На мои предплечья ложатся огромные ладони, которые даже через куртку кажутся горячими. В макушку утыкается обжигающее тяжелое дыхание.

— Мой ангел, — хрипит безумец, — ты пришла, чтобы

мучить меня?

Я и слова вымолвить не могу.

Это он. Совершенно точно.

Хотела ли я с ним еще когда-нибудь встретиться? Бесспорно. Но даже не смела надеяться. И была уверена, встретиться мы с ним случайно – он прошёл бы мимо.

Так почему же не прошел? Ни тогда, ни сейчас?

Невольно охаю, когда его губы касаются моей шеи:

— С ума меня свела, чертовка, — короткие поцелуи опаляют кожу, поднимаясь до самого уха, мешая сосредоточиться.

— Вы ведь первый это начали... — выдыхаю я растерянно, будто желая оправдаться.

Безумец рывком разворачивает меня к себе и впивается в мой рот хозяйским поцелуем.

Будто имеет на это право. Будто я ему принадлежу.

Кажется, он и в прошлый раз так делал. Только этот поцелуй куда более жадный. Словно он хочет взять от меня все, чего был лишен прошедшие месяцы. Хотя, пожалуй, это мои чувства. Сколько раз он снился мне после того дня?

Может это снова сон? Неважно...

Не задумываясь отвечаю на его поцелуй. Скользю пальцами по колючей шее, с каким-то неестественным облегчением вдыхая тяжелый аромат его пряного парфюма. Думала, больше никогда его не почувствую. Как и его сильных рук, что сжимают сейчас мое тело, словно в тисках.

Слишком натурально для сна. И это пугает.

Что он здесь делает? Как он меня нашел?

Эти вопросы вынуждают напрячься.

Отстраняется, очевидно, почувствовав мое смятение. Заглядывает мне в глаза, своими потемневшими голубыми:

— Я все время думал о тебе, — снова ловит мои губы коротким поцелуем.

— И я... — не в силах соврать, эхом отзываюсь я.

— Тогда почему выбрала своего этого жениха? — рокошет он тихо.

Меня пугает его гневный прищур.

— Я не... — осекаюсь, когда до моего слуха доносятся знакомые голоса.

Мама смеется. Галка вторит ей. Папа что-то ворчит...

Галя... Черт!

Шестеренки в моей голове начинают работать на предотвращение катастрофы.

Мама заверяла меня, что сестра все же приезжала на мою свадьбу. Значит, она была! Еще хвасталась по телефону, хотела нас со своим парнем познакомить...

Напрягаю руки, отталкивая от себя мужчину. Глотаю воздух, осознавая, какую страшную ошибку я совершила.

— Так вы и есть... жених Гали?! — шепчу едва ли не истерично.

Безумец часто моргает, будто пытаясь прийти в себя.

— Соня? — выдавливают он, словно только сейчас дей-

ствительно увидел меня. — Лина же заверила, что ты...?

В его глазах загорается недобрый огонь:

— Глупая... Зачем ты приехала?!

Сказать, что я в шоке — ни сказать ровным счетом ничего. Я просто оцепенела от ужаса, когда осознание катастрофы обрушилось на меня ледяной волной.

Безумец, чьего имени я даже не успела узнать — будущий муж моей сестры.

И... отец моего ребенка.

1.ОН

— И на что я только подписался? — рычу себе под нос, вылезая из машины на пыльную проселочную дорогу. — Черт.

Злюсь, глядя как мои туфли от Луи покрываются матовым налетом.

— Почему я дома не остался?

— Твой психолог настоятельно рекомендовал кардинально поменять свое времяпрепровождение, чтобы развеять уже твою изрядно затянувшуюся апатию, — в который раз напоминает мне Лина, вылезая вслед за мной. — День сурка, помнишь?

— До сих пор не понимаю, почему я продолжаю ходить к этому шарлатану, — отмахиваюсь, вытаскивая из багажника своего внедорожника огромную корзину с цветами. — У меня порой складывается ощущение, что вы с этим мозгоправом в доле. И единственной вашей целью является поиздеваться надо мной.

— Ох, а ты, оказывается, подготовился! — как обычно игнорируя мое негодование, едва не присвистывает Лина, оценивая внушительный букет, когда я уже закрываю багажник.

— Странно, что ты — нет, — подмечаю я, что в ее-то наманикюренных ручках как раз никакого букета не наблюдается. — Чувствую себя обманутым. Куда мы приехали? Что за

захолустье? Разве ты не на свадьбу к сестре меня звала?

— Ну, так в этом-то и самая соль, — пожимает она плечами. — Какой толк был бы от «терапии», притащи я тебя на обычную свадьбу, коих и в Москве достаточно. Нам нужна колоритная, — игриво подмигивает мне, порхая своими нарощенными ресницами. — Деревенская. Такой досуг явно недоступен простому смертному олигарху. Так что тебе повезло, что у тебя есть такая подруга как я, что смогла раздобыть тебе вип-пропуск!

И не упустит же возможность покрасоваться и моим статусом, и тем, как она сама хороша. Бесит.

Тру лоб, пытаюсь не агрессивировать без повода:

— Признаться, я и не догадывался, что ты — деревня, — саркастично ухмыляюсь, пока мы подходим к какой-то пошарпанной столовке, вход которой дешево украшен пучками шаров на нитке.

Внутри уже вовсю гремит музыка, что-то из разряда классической Сердючки, и я безмолвно благодарен Лине, что она хотя бы притащила меня в самый разгар празднества, исключив все эти торжественные церемонии в ЗАГСе, и избавив меня от необходимости представляться перед деревенскими зеваками. Когда там уже веселье полным ходом, никому не будет дела до парочки запоздавших гостей.

Брезгливо морщусь, продолжая разглядывать трещины в потемневшей от времени штукатурке у входа. Звездец, и как можно в таких местах праздник закатывать? Оно же того и

гляди обвалится.

— Ну, так-то я до нашего первого знакомства успела пять лет в Москве прожить, — отвлекает меня от созерцания непроглядной унылости Лина, возвращая к разговору. — Так что уже седьмой год пошел, как я столичная.

Откидывает с плеча крашенные светлые волосы, одаривая меня своей соблазнительнейшей улыбкой.

На мой взгляд, столичный апгрейд ей явно не пошел на пользу. Кажется, она подхватила болезнь под названием «силикон головного мозга». Мало того, что вечно себя «усовершенствует», так и еще и кажется, тупеет с каждым днем. В прошлом году, например, активно взялась за развитие своей инсты, и теперь походу даже нужду справить без телефона не ходит.

Хотя подозреваю, что это все — недостатки ее профессии. А вернее того, что не за горами «пенсия». Все-таки ей уже за двадцать пять вроде.

Лина, она же в миру — Галина, — модель. Надо сказать не самая успешная. Однако после знакомства со мной ей определенно стало «фартить» на хорошие контракты. Что тут скажешь: успешные связи творят чудеса.

Я догадываюсь, что она меня использует. Но, как говорит мой психолог: предприимчивость — не порок. И покуда она «просто друг», с которым я изредка сплю, когда напыюсь, — я закрываю глаза, на то, что она пользуется нашей дружбой в своих целях. Конечно, до тех пор, пока это никоим образом

не вредит мне самому.

— Ты иди там, здоровайся с родней, а я пока пожалею, мужскую комнату поищу, — отмазываюсь я, не желая знакомиться с многочисленными родственниками, которые непременно воспримут меня как жениха Лины.

Подозреваю, что именно за этим она меня сюда и притащила. Хвастануть перед деревенскими своим статусным парнем. И моя «терапия», которую моя подруга вызвалась так активно поддерживать, тут вовсе и не при чем.

Вижу, как Лина скуksилась, подтверждая мои догадки.

Провожая ее взглядом, ухмыляясь. Вот для чего человеку нужно личное окружение, пожалуй. Ловить это разочарование от неоправданных ожиданий — тоже своего рода кайф. Хоть какое-то удовольствие в жизни.

Прохожу по тесному холлу в обратном от гремящей музыки направлении. Ставлю букет на пошатывающийся у стены стол, что напоминает старую парту в облупившейся краске, и подмечаю две узкие двери, что притаились вначале темного коридора. Вот походу и клозет.

Пока бездумно пялюсь на одну из дверей, пытаюсь понять, что вообще забыл в далеком Подмоскowie, деревянное полотно вдруг вздрагивает и из-за него доносится грохот...

2.ОН

О, кто-то уже и барагозить начал.

Перевожу взгляд на свои горемычные туфли, не желая встречаться глазами с местной пьянью, что должно быть пытается попасть в закрытый дверной проем. Не фанат я подобных движей. И можно было не тащить меня за три версты, чтобы это понять.

Лина, очевидно тоже обо мне маловато знает, хоть мы и знакомы уже больше года. Я же сам из простых. Не из деревенских, но на обычных русских свадьбах не раз доводилось погулять еще по молодости лет.

Сам поднялся. А потому среди мажоров, вскормленных богатенькими папочками, мне места не нашлось. Вот я и держался за своих. Пока они один за другим сами не отвалились.

Все жадность людская. Зависть.

Хороший у меня был опыт в ценности дружбы на фоне разности финансового положения.

Как я только не пытался преодолеть этот барьер. Давал денег на развитие бизнеса друзьям, даже людей своих одалживал — спецов, что из дерьма конфетку могут сделать, — все без толку. Еще и неправым оставался.

Тогда-то меня и посетила эта апатия долбанная. Когда понял, что у меня кроме денег, по сути, и нет-то ничего. Ни одного живого человека рядом.

Не, они-то как бы были: прислуга там всякая, подчиненные, водила, — как мебель. Еще парочка приятелей, с которыми я время от времени выпивал в баре. Телки, что в те времена сменяли одна другую, как перчатки. Со своими лицемерными улыбками, которые я насквозь вижу.

Всех разогнал. Настохерело.

В какой-то момент понял, что у меня пусто внутри. И никакими бабками эту дыру не заткнешь. Хоть волком вой от одиночества.

К мозгоправу пошел, и он дал наитупейший совет, которого стоило ждать от «врача»: завести себе друга – первого встречного человека. И принимать его таким, какой он есть, а все минусы – считать «налогом за дружбу».

Вот так-то Лина и появилась в моей жизни. Можно сказать, она буквально вывалилась под колеса моей тачки, когда я возвращался с сеанса психотерапии.

Так что ее попытки пользоваться моими связями – налог. Как за недвижимость. Или авто.

Я уже привык к таким людям как она. Больше не цепляет.

Наверно что-то не так с моими сеансами, раз я стал воспринимать своего едва ли не единственного друга, как неодушевленный предмет.

— Ген, ну не надо! — слышу надрывный девичий писк, из-за той самой двери, что прожигал взглядом парой минут раньше.

Напрягаюсь, вновь поднимая глаза.

Не понял?

Неторопливо приближаюсь, напоминая себе, что у меня вообще-то уже несколько лет полнейшая апатия, и мне не должно быть никакого дела до происходящего в туалете.

Однако что-то в этом голосе меня будто на крючок подцепило и тянет. И нет, никаких розовых соплей о том, что он прекрасен. Наоборот. Нечто паническое...

Ну ладно еще буровить на свадьбе. Так принято, похоже: всегда есть гость, который считает себя обязанным выполнить норму опьянения за всех присутствующих.

Но девчонок по грязным толчкам зажимать... Да и судя по голосу она не слишком-то за. Непорядок.

Уже оказавшись вплотную к двери, могу различить звук какой-то возни, и сдавленный едва ли не умоляющий шепоток:

— Нет-нет, подожди...

— Я уже и так подождал достаточно! — рывкает в ответ хмельной голос. — Дороговато мне твоя старомодность вылилась. На мне теперь сотка кредита висит. Так что, я думаю, пора бы тебе уже начать расплачиваться.

Хм... Любопытно.

Прикладываю кулак к шершавому полотну, в ожидании еще каких-то подсказок, стоит ли сейчас вмешиваться.

— Гена, ну пожалуйста... — в голосе слезы.

И мне этого достаточно.

Бесцеремонно стучу в дверь, и возня тут же стихает.

— Занято! — орет некий Гена.

— Да я понял, что несвободно, — ухмыляюсь.

Стучу еще раз. Тишина.

Даю ему последний шанс выйти самому. Иначе придется выносить эту дверь к чертовой матери. А это, пожалуй, не самый лучший способ заводить знакомства на чужом мероприятии.

Стучу последний раз, и слышу, как по ту сторону дверного полотна что-то щелкает. Шпингалет должно быть.

— И кто это у нас такой настырный? — в проем высовывается раскрасневшаяся рожа вспотевшего пацана, и я едва сдерживаюсь, чтобы по ней сходу не съездить.

— Гость, — коротко отвечаю я.

Что-то настроение не фонтан. Не помогает, очевидно, терапия, придуманная моим мозгоправом и с таким энтузиазмом воплощенная Линой.

Пацан смеряет меня оценивающим взглядом снизу вверх, и очевидно осознав, что у нас, по меньшей мере, разные весовые категории, где он явно проигрывает, начинает говорить уже не так борзо:

— Дядя, там вообще-то еще одна кабинка есть, — подсказывает, все еще стараясь казаться дерзким. Но уже плохо выходит.

— Мне нравится эта, — с нажимом говорю я.

— Прекрасно, — раздраженно отзывается он, но все же выходит из туалета, показушно, будто подросток-истеричка,

хлопая дверью. — Удачи!

И благополучно удаляется в зал, оправляя свой дешёвый пиджак, сидящий не по размеру на его узких плечах.

То ли дело мой, шитый на заказ.

Понимаю, что от этого ни хера не выиграл. У этого пацанчика жизнь всяко поярче моей будет. А у меня только деньги.

Порой думается мне, что лучше бы я никуда не поднимался, а остался бы простым пацаном в своем родном захолустье. Вечерами с друзьями по полторашке, и на боковую. Пошел бы на завод работать, как все мои сверстники. Глядишь там бы до какого инженера дорос, мужик-то я вроде не глупый, — два красных диплома как-никак.

Чую я, опять меня эта тоска зеленая накрывать начинает. Толкаю захлопнутую пацаном дверь, ожидая увидеть девочку, по меньшей мере, в слезах.

Однако от представшей моему взору картины непонимающе хмурюсь, будто и вовсе растерявшись от увиденного...

3.ОН

Спиной ко мне шупленькая девчонка, в потрясающем своей простотой свадебном платье. Спокойно оправляет фатиновую юбку. На лопатках любовно вышитые бисером крылья, будто подсвечиваются неяркими лучами солнца, люющимися из окошка, что почти под самым потолком. И словно в продолжение ее крыльев, лучи переплетаются с волосами, собранными в объёмный пучок.

Нереальность картинки зашкаливает. Просто разрыв шаблона какой-то. Ни тебе забитой жертвы, ни драмы...

Кажется даже пыль, искрящаяся на свету, перемешиваясь в воздухе с бликами от стекляшек из светлой гривы, добавляет какой-то сказочности, и теперь меня вовсе и не бесит.

Удивительное зрелище.

Щурюсь, пытаюсь восстановить привычных ход негативных мыслей. Но не выходит. У меня будто сбой в системе.

Что это еще такое?

Ощущение, что если не брать в расчет ссанный толчок, то это буквально прекраснейшая картина, которую я лицезрел в жизни.

А я ведь многое уже повидал. Джоконда в Лувре и-то не вызвала во мне столько... благоговения что ли.

Хочется прямо-таки достать телефон и запечатлеть это сказочное создание в противоречивой обстановке.

Что за черт? Одергиваю себя.

Это просто от неожиданности и нелепого контраста картинки у меня такой вис случился.

Тру пальцами переносицу.

Значит это у нас невеста? Мля. Я походу только что обломал их первую брачную... ссору.

Да уж, не повезло девчонке с женишком. Раз уж он еще на свадьбе ее до слез довести умудрился... Хотя...

Девушка поворачивается ко мне, и я хмурюсь, не обнаружив не единого намека на слезы в ее потрясающе глубоких серых, — едва ли не серебристых, — глазах, что вполне дополняют ее образ нереальности.

Не плачет... Как так?

Может я поторопился с выводами? У них тут игры были ролевые, и не стоило влезать?

Однако будто в противовес своим мыслям, замечаю на ее щеке, почти рядом с ушком царапину. Ниже которой расплывается багровеющее пятно, очевидно от пальцев женишка.

От же сука.

Девочка, что, по меньшей мере, на голову ниже меня, и лет на десять младше, даже не выглядит напуганной, или озлобленной. Что странно, если учесть, что меня, — взрослого дядьку, мастера спорта, да и просто постороннего человека, — немало взбесило произошедшее.

Ее же взгляд такой осознанный. Она несколько натянуто улыбается, кивая мне:

— Спасибо вам, — и в этом неуверенном шепоте, будто ответ на мои сомнения. Похоже, я все-таки не зря вмешался.

Откуда только эти скоты берутся? Она же будто фарфоровая куколка. С ней осторожно надо. Пылинки с нее сдувать. А этот...

— Позвольте... — бормочет она.

Хочет уйти. Мнется передо мной, как бы намекая, чтобы я ее выпустил. Но я почему-то не в силах отступить.

— Не спеши, — достаю шелковый платок из нагрудного кармана своего пиджака, и шагаю вперед, прикрывая за собой дверь.

Серебристые глазки испуганно округляются, будто вынуждая меня одуматься. Но я не могу остановиться. Мою многолетнюю апатию как рукой сняло. И я хочу понять причину.

Подступаю ближе, и накидываю на тонкую шею свой платок, как бы невзначай касаясь пальцами смуглой кожи.

Вздрагивает.

— Не бойся, — говорю тихо, неторопливо завязывая шелковые уголки на узелок. — Вот-вот начнет синяк проступать, так что, в сравнении с ним, белый лоскут ткани не будет так сильно в глаза гостям бросаться.

Смотрит на меня, и я будто вижу, что у нее в душе творится. Там и стыд. И отчаяние какое-то беспробудное.

Но ни единой слезы. Даже намек нет. Однако взгляд какой-то стеклянный. Будто она изо всех сил сдерживается,

чтобы удержать эту маску безразличия.

Бездумно облизываю большой палец и провожу им вдоль царапины, из которой выступила кровь. Вижу, как тонкая кожа мурашками покрывается.

— Когда не нравится, надо убегать, маленькая, — говорю я наставительно. — И не вздумай позволять кому-либо так обращаться с собой. Иначе кто-то может вмешаться. И, например, украсть невесту.

Хм... Хочется на вкус этот фарфор попробовать.

— Простите, — зачем-то извиняется. — Вы все не так поняли... Гена, он просто... напился немного. Вы только не подумайте...

— Я и не думаю, — не вру, по сути: разумно мыслить почему-то становится все сложнее. — Просто даю напутствие прекрасной невесте.

Стыдливо прячет взгляд, закусывая розовую пухленькую губку. И я чувствую, как во мне, за много лет пожалуй впервые, просыпается настолько острое и яркое желание чего-то очень конкретного... И совершенно непотребного в сложившихся обстоятельствах.

Облизать ее всю, сожрать...

Стоп, стоп, Ром!

Она – невеста. Вернее уже жена. Чужая.

— Можно я пойду? — нерешительно спрашивает, словно ей действительно нужно мое одобрение.

— Нет, — отвечаю на автомате, не пытаясь анализиро-

вать.

Снова глаза на меня поднимает:

— Почему?

Если бы я сам знал. Это будто наваждение какое-то. Сродни одержимости. Я попросту глаз отвести от нее не могу. И руку отнять от тонкой шеи...

— Тут еще кровь, — снова смачиваю палец своей слюной и по-хозяйски прохожусь им по треснувшей нижней губе, мягко сминая ее.

Девочка икает, глотая изумленно приоткрытым ротиком воздух, и я наконец начинаю включаться, осознавая, что это уже перебор.

Твою мать... Что я творю? Или правильнее будет: что со мной творится?

Может мне уже вовсе и не к психологу надо, а к психотерапевту?

Отстраняюсь порывисто. Очевидно разрядить обстановку в сложившейся ситуации не выйдет.

Выхожу из туалета и замечаю притаившуюся на столе корзину с цветами. Подхватываю ее, и поворачиваюсь навстречу боязливо выбирающейся из туалета невесте.

— Это тебе, маленький ангел, — улыбаюсь я.

Впихиваю в руки, очумевшей от моего поведения девушке, огромную корзину, из которой торчит конвертик, который без труда должен перекрыть кредит жениха. Надеюсь, этот засранец действительно всего лишь напился. И погасив

свои долги, уже не станет так с ней обращаться.

У меня почему-то аж скулы сводит, как представляю, что это была не единоразовая акция.

— С-спасибо, — бормочет, разглядывая цветы, а затем переводит на меня взгляд: — Простите, а вы кто?

— Я? — усмехаюсь. — Джин. Вот потрешь эту корзину в случае чего, и я тут как тут.

Из зала слышится настойчивый голос тамады, призывающий гостей разбиться на пары и в центр зала организовать жениха и невесту.

— Кажется, тебя вызывают, милый ангел, — улыбаюсь я, понимая, что мне просто необходимо, чтобы она скрылась с глаз.

Почти неосознанно прихватываю остренький подбородок пальцами. Склоняюсь над букетом и коротко целую раскрасневшиеся губки:

— Совет да любовь, — шепчу, пока девчонка судорожно дышит в мой приоткрытый рот, тараша на меня свои огромные глазищи.

Что ж такое?! Валить надо! Срочно!

Я смотреть на нее не могу. Внутри буквально все клокочет. И дело, как мне кажется, даже не в ее красоте, — хотя бесспорно, девочка красивая. Но что-то другое мне покоя не дает, едва ли не вызывая приступ тахикардии...

4.ОНА

Сердце колотится как сумасшедшее, когда я вхожу в зал, где полно гостей.

Что за странный мужчина? Он сумасшедший?

Прячась за необъятной корзиной цветов, прикладываю пальцы к губам.

Конечно, сумасшедший! Кто в здравом уме станет невесту на свадьбе в губы целовать?! Кроме жениха, естественно!

Кстати...

Выглядываю из-за цветов, отыскивая взглядом Гену, что тянется к очередной бутылке. И ведь просила хотя бы закусь нормально! Но главное, раз он спокойненько припиивает с друзьями, значит, не был свидетелем этого беспредела. Иначе бы мне еще как досталось. А он и без того сегодня как назло, зол как черт!

Пытаюсь в голове перебрать все приглашения, что я самостоятельно подписывала, и не припомню там никого незнакомого. Откуда же этот безумец взялся на моей свадьбе?

Из мыслей меня выдергивает тамада, что бесцеремонно ловит меня за локоть на полпути к столику новобрачных, и, выхватив из моих рук шикарный букет, ставит меня посреди зала.

Еще не осознавая для чего меня сюда поставили, оглядываюсь по сторонам, обнаруживая рядом с собой несколь-

ко пар скомпонованных из наших с Геной родственников. Невольно возвращаю взгляд к корзине с цветами, которая в неосторожных руках тамады отправляется к простеньким букетикам, стоящим у стены в баллонах.

Тамада что-то рассказывает гостям, очевидно, правила нового дурацкого конкурса, от которых я так хотела сбежать. Я слушаю вполуха, не в силах оторвать взгляда от диковинных цветов.

Хочется спрятаться и плакать. Да толку?

Гена не раз мне уже намекал, что эта свадьба только для того, чтобы затащить меня в постель. Вот только я никак не ожидала, что он потребует решения вопроса прямо на торжестве. Мне, признаться и торжество-то это до лампочки! Я ведь предлагала тихо-мирно расписаться, и жить, как семья. Но нет же! Еще и я виновата, что у него кредит, видите ли.

Потому что я, по его словам, дура правильная, старомодная, не хочу отдаться просто «по любви».

И я может и дура. Да только видали мы уже такую любовь. Все мои подруги в итоге брюхатые без мужей ходят, потому что парни наши как с цепи сорвались со своими спорами дурацкими, кто кого быстрее в койку утянет.

Нет уж! Мне такого не надо!

Пытаюсь вспомнить, дарил ли Гена мне когда-нибудь цветы. Что-то на ум ничего не приходит.

Какой-то день разочаровывающих открытий. Не зря я была против торжества. Так и знала, что он напьется, и выки-

нет что-нибудь эдакое. Так каждый раз случается, когда он переборщит. А я его ненавижу начинаю, припоминая все его хмельные «подвиги». Всякий раз расстаться думаю. А он трезвеет, и извиняться приходит.

Вот сейчас почему-то подумалось: хоть бы с цветами это делал? А так... За что я его прощала каждый раз, спрашивается?

Ладно, остынь, Сонь.

Не такой уж он и плохой. Работающий зато. Пока остальные пацаны на мамкиных шеях сидят, Гена уже второй год как работает. Обещал после свадьбы нам отдельное жилье снять. Мечтал дом построить. Не пил бы еще...

Да кто ж у нас не пьет? Разве что папа. И то, наверно только потому, что с сердцем проблемы. Иначе, так сказать, поддался бы местным тенденциям. В нашем «Гадюкино» ведь все равно толком больше заняться нечем.

Может, надо было как Галка? Свалить в столицу, устроиться моделью какой, и жить там припеваючи. Да только, у меня ни кожи, ни рожи, — как мне сестра с самого детства говорила. Да и ростом не вышла. Это она у нас — королева.

У моих ног появляется развернутая газета, вынуждая все же включиться в происходящее.

— Жених? — кажется, уже не в первый раз окликает Гену тамада, но он и не думает реагировать.

Поднимается из-за стола и в сопровождении своих корешков выходит через заднюю дверь на перекур.

Вот же зараза! Злости не хватает на него! Это ж надо было оставить меня здесь в одиночестве?

— Очевидно, жених занят налаживанием родственных связей, — неловко съезжает с темы тамада.

Я выдыхаю, в надежде, что меня тоже минет участь выполнять идиотские задания в отсутствии моей второй половинки.

— Давайте-ка посмотрим, кто бы у нас мог заменить жениха? — не унимается разговорчивая женщина. — Но только на один конкурс! С первой брачной ночью они как-нибудь без поддержки справятся.

Она ехидненько смеется, и мне становится неловко, когда по залу прокатываются усмешки.

Блин, да как можно о таком шутить, когда я еще даже не знаю, смогу ли я вообще... эту... брачную ночь. Пока что меня бесят даже мысли о ней!

Пытаюсь отвлечься, вспоминая какую-нибудь бодрящую песню, но как назло в голову ничего не идет, когда я понимаю, что позорно стою посреди зала брошенная собственным женихом, а гости не шибко-то спешат мне на выручку, увлеченные банкетом. Неловко.

— Я могу, — слышу родной голос, и поднимаю благодарный взгляд на папу.

— А вот и... — довольно начинает тамада.

Но я тут же дергаю ее за локоть:

— Если этот ваш конкурс требует физической активности

— даже не думайте! — говорю твердо, но тихо, чтобы никто кроме нее не слышал. — Папе нельзя перенапрягаться.

— Ясно. Папочка, вы посидите пока! — улыбается она натянуто. — Набирайтесь сил, для танца с невестой.

— А давайте я жениха заменю, — слышится густой баритон от двери, и у меня от чего-то невольно поджимаются пальцы на ногах.

Только не он...

Не знаю почему. Без объяснения причины. Но мне почему-то страшно снова оказаться близко к этому безумцу.

— Ну, наконец-то нашелся доброволец! — весело вещает тамада. — Настоящий рыцарь, не позволивший нашей беззащитной невесте остаться в беде!

Боже! И почему у меня возникает приступ испанского стыда, каждый раз, когда она открывает рот?

Невольно задерживаю дыхание, когда прямо передо мной, закрывая собою меня от всего зала, материализуется незнакомец. Не хочу чувствовать аромат его тяжелого пряного парфюма, что кажется и без того успел въестся в легкие.

— Ну что, ангел, джина вызывала? — подмигивает мне, а в голубых глазах словно грозовая буря собирается, вынуждая их темнеть.

— Так вы джин или все же рыцарь? — зачем-то вступаю в диалог, едва не давясь воздухом, что снова насквозь пропах им.

— А это имеет значение?

— Значение имеет то, что вы делаете на моей свадьбе, раз я вас даже не знаю?

— Разве ты не слышала? Заменяю жениха, — нагло ухмыляется он.

Включается музыка. Рука незнакомца скользит по моей талии, и я, на секунду растерявшись, начинаю озираться по сторонам. Все пары, что танцуют рядом с нами, максимум держаться за руки, стараясь не выйти за пределы газетки, что играет роль ограничителя:

— Мне кажется, правила этого конкурса не предусматривают такого тесного контакта.

Он неторопливо покачивает меня, совершенно не попадая в такт подвижной музыке. А я просто физически не в силах противиться руке, крепко сжимающей мою талию.

Горячее дыхание опалает ухо, вызывая табун непрошенных мурашек, когда мужчина слегка склоняется надо мной:

— Я знаю, чем все закончится, так что давай сразу начнем с конца...

5.ОН

Кажется, я собирался валить...

И какого хера тогда, спрашивается, я делаю здесь?!

План выполнен! Терапия наконец сработала! Чего еще надо?

Ее...

Может забрать? Себе присвоить? Прямо так! Нагло, вероломно! Утащу с ее же свадьбы, и спрячу в своём доме!

Совсем больной.

И ладно там разборки с родственниками, женихом, ментами, в конце концов. Этого уж я точно не боюсь. Но ей-то я как это объяснить планирую? «Ты меня от апатии излечила, одним своим видом, побудь-ка моей игрушкой?» Прекрасно!

Сжимаю тонкую талию теснее, пробегаясь пальцами по крупному бисеру на тесном корсете. Девочка пыхтит мне в плечо, явно намереваясь попросту вытерпеть этот навязанный ей танец.

Все правильно... Потерпи, маленькая. Сейчас злого дядьку попустит, и он свалит восвояси.

А пока – кайфую. Прижимать ее вот так, хрупкую такую, нежную, — чистое удовольствие. Она еще и пахнет офигенно. Лимонной мятой какой-то. Невольно утыкаюсь носом в белокурую макушку. Напрягается.

Понял. Совсем границ не вижу. Немного отстраняюсь, чтобы не вызывать косых взглядов в сторону чистой невесты.

Но уже через секунду понимаю, что она напряглась вовсе не из-за меня. Ну, или не совсем из-за меня. Так скажем, очевидно, я причастен только косвенно, потому что рядом с нами пролетает взъерошенный жених.

Швыряет пиджак на пол и вылетает в дверь, в которую я вошел парой минут раньше.

Ладонями ощущаю рваное дыхание невесты. На мой взгляд, такое бывает только при истерике. Однако когда она поднимает на меня взгляд, я снова вижу сухие остекленевшие глазки.

Упирает пальчики мне в плечи, словно пытаюсь выбраться из моих объятий. А я не хочу отпускать.

— Не ходи, — рычу я тихо.

— Не могу. Так нельзя, — будто оправдывается передо мной.

Вижу как ей больно. Вот только кто тому причина? Тот истеричный гном? Или я?

Эта мысль вынуждает-таки разжать руки. И моя чужая невеста убегает вслед за своим суженым.

Тупость какая-то! Чего меня от нее так штормит-то?!

Провожу пятерней по волосам и ловлю вопросительный взгляд Лины. Судя по тому, что веселье продолжается, никто из гостей толком и не осознал развернувшейся драмы, в том числе и сестра невесты.

— Я домой, — произношу одними губами.

Лина выглядит несколько растерянной, будто хаотично пытается сообразить, как меня остановить. Но очевидно оценив мой решительный настрой, сдается. Бросает извиняющийся взгляд, кивая на руку женщины, что сжимает ее ладонь. Мать, походу. Она не раз ее промежду прочим упоминала. Хотя что-то в Лине настоящего осталось — привязанность к матери.

А то с тем, как она вечно за мной бежит, думал и сейчас сорвется. Благо хоть что-то ее тормознуть в этом мире способно. Не до нее сейчас. Еще не хватало всю дорогу до Москвы ее трескотню терпеть, когда и так голова квадратная от этого странного сдвига по фазе.

Киваю подруге и выхожу из зала. Затем и из столовки.

Уже дойдя до машины, и так и не наткнувшись на новобрачных, понимаю, что совесть не позволит теперь так просто свалить. Виноват я, кажись. Не стоило чужую жену на глазах у всех гостей зажимать.

Озираюсь. Нет никого.

Но стоит музыке гремющей в столовке на секунду стихнуть, как я слышу вопли за зданием:

— Не нужна! Пошла на хер отсюда!

Вот же придурок...

Ему бы стоило мне рожу начистить. Ну, хоть попытаться. А это сыкло на девчонке теперь отрываться будет.

Выглядываю из-за угла и невольно кулаки сжимаю, на-

блюдая, как этот утырок едва ли не волочет ее к какому-то оврагу, прихватив за мой платок, что уже натянулся на тонкой шейке.

Нахера я его на узел-то завязал?!

— Мне значит «подожди», — шипит он ей в лицо. — А сама с какими-то мужиками зажимаешься?!

— Ген, у тебя спермотоксикоз мозги съел? — неожиданно дерзко рычит маленький ангел, вырываясь из его рук. — Научись себе уже в этом вопросе сам помогать! Или пить завязывай!

Рядом стоят дружки, создавая дымовую завесу, что подчеркивает драматичность происходящего. Гогочут, спокойно наблюдая за всей картиной. А у меня на глазах уже красная пелена от бешенства! Понимаю, что и так уже влез, куда не следовало, вот и усугубил. Но ничего с собой поделать не могу, когда этот мудак снова хватает девочку за шею.

— Ну-ка руки от нее убрал, — говорю спокойно, но достаточно угрожающе, чтобы пацан послушался.

На меня уставляются несколько пар глаз, но меня интересуют только серебристо-серые, что снова остекленело сдерживают рвущиеся наружу эмоции.

— Слушай, дядя, а ты собственно кто такой? — видимо присутствие дружков придает гниде смелости. Но первоначальная моя цель достигнута – невесту отпустил.

— Извините нас, — в который раз за что-то извиняется ангел. — Присоединяйтесь к остальным гостям. Мы скоро

вернемся.

Опять выдавливает какую-то неестественную вымученную улыбку. А в глазах мольба.

Только у меня вот мозги рядом с ней с чего-то вдруг отказывают. Поэтому не могу я разобрать, то ли она молит, чтобы я ушел, то ли чтобы помог...

— Все в порядке, — бормочет она, будто оправдываясь.

— Меня так просто не обманешь...

Подступаю ближе, и одним рывком закидываю девочку на плечо.

— Ой, — только и выдыхает она, когда я уже разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Э, мужик! — окликает меня жених. — Ты че творишь?!

— Разве не видно, — бросаю, даже не оборачиваясь. — Краду невесту!

6.ОН

— Вы что натворили?! — выдает она с ужасом, очевидно выйдя из первого оцепенения, когда я уже трогаю свой внедорожник с места. — Эй, верните меня на место! Вы кто такой вообще?!

Вижу, что она паникует, поэтому из деревни ее вывозить не решаюсь. Сворачиваю на какую-то тесную улочку. Лишь бы подальше от этого скота. Но ни к чему ее слишком пугать.

— Возвращайтесь, говорю! — надрывно требует она, но все еще не плачет.

Какого хрена? Нормальная девчонка уже бы истерику закатила.

Вон хоть Лину возьми. Я ее при нашем первом знакомстве едва бампером цепанул, а она развылась, будто я ей все кости переломал ненароком.

А они так-то сестры! Ну и где этот кладезь эмоций, что сейчас по закону жанра должен неумно фонтанировать?

Можно сказать, она – фонтанирует, только вовсе не так и не тем. В мою сторону летят отборные ругательства, и я время от времени бросаю на скромную невесту удивленные взгляды, стараясь не забыть некоторые из них особенно красноречивые.

— Вы сумасшедший?! Или бандит??? Разве так можно... Улыбаюсь, когда в мое плечо прилетает хрупкий кулачок.

— Точно псих! Я же сейчас выйду!

— Не выйдешь, — отрезаю я, блокируя двери, на случай, если это не беспочвенная угроза. Мало ли. — Так может и нельзя, но я предупреждал.

— О чем еще?! Вы психопат обыкновенный! Верните меня уже на мою свадьбу!

— О том, что если позволишь кому-либо так с собой обращаться, то кто-то может украсть невесту, — невозмутимо напоминаю я.

— Да вам-то что за дело?! — неистовствует она, нервно дергая ручку двери.

Как же хорошо...

Солнце уже скрывается за кромкой леса, когда машина вдруг упирается в берег узкой речушки, выскочившей из-за поворота. Деревня осталась позади, а вперед дороги нет. Тут ей и бежать особо некуда.

Паркуюсь у рваной линии соснового бора, и выхожу из машины.

Девчонка, естественно не дожидается, пока я помогу ей выбраться, и самостоятельно выпрыгивает из высокого для нее внедорожника.

— Не смейте приближаться! — бросает через плечо.

Однако идет вовсе не в направлении оставленного нами торжества или хотя бы деревни. На берег выходит. И быстрым шагом, спотыкаясь на камнях, идет вдоль речки.

Не бежит, что странно. И даже разуться не пытается. Что

тоже несколько непонятно. Из-под подола мельтешат нехилые каблучки. Это она еще с ними мне мелкой кажется.

Гля, как бы ноги не попереломала...

Срываюсь за ней следом. Нагоняю, когда она уже едва не забредает в лесок. Ловлю хрупкий локоток.

— Оставьте! — рычит, словно разъярённая фурия, вырываясь из моих рук.

Надо же...

Невольно подчиняюсь. Но лишь на секунду. Залюбовавшись снова потрясающим зрелищем.

Она – будто призрак в своем белом одеянии, мечется среди высоких деревьев, сквозь кроны которых пробиваются последние лучи. Волосы разметались в бессильной борьбе с самой собой. Грудь, тесно передавленная корсетом, нервно вздымается от судорожного дыхания. И все в ней выдает истерику. Но не сдается, упрямица.

Мой психолог, может и шарлатан, но мысли толковые время от времени выдает. И вот одна из них мне особенно нравится: если не выпускать свои истинные эмоции наружу, то они будут проявляться очень нежелательно и вовсе не там где надо.

Злишься – злись, а не пытайся это замять.

Радуешься – улыбайся, а лучше смейся.

Больно – плачь. И если мне — взрослому дядьке, подобное не пристало. То уж хрупкой девчужке сейчас точно не помешает.

Моя украденная невеста вдруг вздрагивает и принимается ковырять складки своего пышного подола.

С интересом наблюдаю за ее манипуляциями, пытаюсь сообразить, что она делает. И наконец понимаю, когда она выуживает из складок небольшой мешочек. Будто калита для монеток, но чуть побольше. Беленький, потому я его сразу-то и не приметил.

Телефон там. Вот оно что. Собралась на помощь звать. Ну, хоть немного разумных реакций от нее дождался.

— Да, пап, — очевидно, отвечает на входящий звонок. — Прогуляться вышла.

Тяжело вздыхает, слушая ответ отца:

— Ну, пусть пьет дальше, — ровным тоном говорит. — Праздник ведь. Мне просто тамада не понравилась. Я погуляю лучше.

Снова замолкает, нервно ковыряя бусины на своем поясе. Бросает на меня короткий взгляд исподлобья:

— Все хорошо, папочка. Конечно, никто меня не обидел. Кто посмеет? Я ведь твоя доча, — усмехается, будто пытаюсь успокоить отца. — Отдыхайте. Не зря же на свадьбу потратились.

Кладет трубку, и вперивает в меня гневный взгляд:

— Ну и что тебе надо?! — вздергивает подбородок, стараясь казаться храброй. Да я и так уже оценил. — Убить меня собрался?

— А есть за что? — усмехаюсь, приподнимая бровь.

— А психам вроде тебя еще и повод подавай?

— Кто из нас тут псих еще надо крепко подумать, — едва заметно сокращаю между нами расстояние. — У тебя только что была возможность спастись, пожаловавшись на меня отцу. Но ты почему-то не воспользовалась шансом.

— Не могу отца дергать лишний раз, — передергивает плечами раздраженно. — Все еще надеюсь, что ты — ложная тревога. Тогда у меня еще есть шансы вернуться живой, и ему вообще не придется узнать об этом беспределе. А если напугаю его, то неизвестно чем это для него закончится!

— В такой ситуации, когда считаешь, что я какой-то ма-
ньяк — волнуешься за кого-то другого? — удивляюсь я. —
А о тебе кто позаботится?

Точеные бровки болезненно вздрагивают. Опять с толку меня сбивает своей странной реакцией. Я будто что-то зацепил. Живое такое. Естественное.

— Он не кто-то другой! — рывкает. — Он мой папа! И у него сердце слишком большое. Доброе. И слабое!

Вот черт. Нехорошо как-то все это выходит.

Однако она будто вынуждает меня снова поверить в человечество, а потому мне совсем не хочется прекращать этот абсурдный по своей сути диалог.

— Может, стоит кого-то другого на помощь позвать? — даю ей еще один шанс. — У тебя же там полный зал родни.

— Вы меня убивать привезли или мое семейное положение вывести решили?! — шипит она отважно, однако я ви-

жу, как ее потряхивает.

— Не убивать точно, — пытаюсь успокоить, хоть и понимаю, что это малоэффективно. — Хочу понять тебя.

— Это еще зачем?!

Я оказываюсь достаточно близко, а эта странная девчонка будто больше и не собирается сбегать. Страшно представить, что на моем месте сейчас мог бы оказаться реальный психопат...

Хотя в ее глазах я сейчас и правда таковым кажусь. Признаться, и в своих тоже.

Однако причинить ей вред... даже мысли не мелькнуло. Наоборот. Почему-то хочется ее защитить. Спрятать от всех потенциальных опасностей этого мира.

Кажется, именно таковой я сейчас сам для нее и являюсь. Маниакальная навязчивость. В Москве она даже могла попытать счастье в суде с этим определением. Но в деревне с этим явно никто возиться не станет.

От того мне почему-то еще страшнее за нее. Сколько народу тут разного... И я сам. Кажется, больше не чувствую тормозов.

И правда, зачем мне пытаться понять эту незнакомую мне девчонку?

Что-то будит она во мне. То, чего я так долго не ощущал. Заинтересованность? Любопытство?

7.ОНА

Да что ему нужно от меня, черт бы его побрал?!

— Отвезете меня обратно? — спрашиваю, стараясь не выдавать страха.

С больными людьми же нужно стараться говорить спокойно.

— А разве ты хочешь? — еще спрашивает мерзавец.

— Конечно, хочу! — воплю я, и понимаю, что спокойно у меня вовсе не выходит. — Это ведь моя свадьба! Мой праздник!

— Тогда зачем от машины ушла?

Поджимаю губы, пытаюсь найти ответ.

Ясное же дело: от него уйти хотела! Зачем спрашивает?

— Признаться, я и похороны повеселее видал, — продолжает нахал.

Осознаю, что его глазами моя свадьба и правда вышла не слишком-то... праздничной. Да и моими, признаться, тоже. Но он к этому какое отношение имеет?!

— Это не ваше собачье дело! — обороняюсь. — Верните меня на место!

— Хорошо, — соглашается вдруг.

Мои брови от неожиданности ползут вверх:

— Правда? — с сомнением.

— Мгм, — кивает он. — Как только поплачешь.

Голубые глаза смотрят серьезно. Получается, он не шутит?

Да я уже лет пять не плакала! С тех самых пор, как папе диагноз поставили. С чего вдруг перед ним-то должна?!

— Вы точно псих! — заключаю теперь окончательно, подрагивая то ли от нервотрепки, то ли от холода, потому что солнце совсем уже скрылось и в хвойном лесу стало довольно свежо.

— Допустим, — пожимает плечами. — Я псих, который любит женские слезы. Исполни мою прихоть и верну на место в целости и сохранности. А после ты меня больше никогда не увидишь.

— Черта с два! — рычу и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Мой локоть ловит сильная ладонь и резко дергает, из-за чего я едва не врезаюсь в мужскую грудь:

— Достаточно побегали, — строго говорит безумец. — Ноги еще переломаешь.

Чего это? Зачем он так? Будто ему и не все равно...

Теряюсь на мгновение. А он, воспользовавшись моим замешательством, подталкивает меня назад, и я едва не падаю, когда ноги упираются в ствол повалившегося дерева. Но этот псих придерживает меня за талию и осторожно усаживает на бревно.

Непонимающе наблюдаю, как мужчина опускается передо мной на одно колено, не боясь запачкать свои дорогие на вид брюки, и тянется к моим ногам.

Гена даже предложение стоя делал, со словами: «Раз тебе так принципиально, сыграем эту гребанную свадьбу уже».

Вздрагиваю, когда моих щиколоток поочередно касаются грубые мужские руки, что бережно стягивают с моих гудящих ног одну туфлю за другой. Безумец недовольно цокает, хмуро качая головой, осматривая мои растертые в кровь ноги:

— Туфли невесты должны быть максимально удобными.

Вот и папа примерно так сказал. Да только удобные и стоят дорого. Не могла же я на них с мамой повесить еще и покупку туфель за пять тысяч. Хватит с них и платья. Взяла пару попроще и отчаянно разношивала их на мокрый носок целую неделю перед свадьбой.

Похоже, не сработало.

— Вы больной, — напоминаю я уже больше себе, а не ему.
— Просто больной.

Но и сопротивляться почему-то не могу. По икрам мурашки разбегаются от облегчения снять тесную обувь. И его горячая ладонь на моей ступне гасит подступающую судорогу.

Безумец смотрит мне в глаза своими ясными голубыми. И я начинаю уже сомневаться кто из нас безумнее. И на пьяного, к моему удивлению, не похож.

Блин, если Гена узнает, что я тут в гляделки играла с каким-то незнакомцем, и даже не пыталась сопротивляться его попыткам меня раздеть... разуть, — неважно! — он же меня

прибьет!

Эта мысль меня словно в чувства приводит:

— Оставьте меня уже! — вскрикиваю, выдергивая свою ногу из теплого плена. — Валите уже туда, откуда прибыли! Будь то ад, или психбольница, — плевать!

— Хорошо-хорошо, — он со мной, как доктор с пациентом говорит. Как-то вкрадчиво, что ли.

Поднимается на ноги и зачем-то стягивает с себя пиджак. Холодею. Он раздеваться уже собрался? Зачем это? Явно не в речке купаться. Холодновато так-то.

Едва рот не открываю, когда незнакомец нависает надо мной и набрасывает на мои плечи свой пиджак, пропахший его теплом.

— Вам лечиться надо, — выдавливаю хрипло, в горле от чего-то болезненный ком собрался.

— Я вот как раз этим и занимаюсь, — усмехается. — Думал, ты волнуешься, что макияж потечет. Но ты ведь даже не накрашена толком, — делает паузу, словно изучая меня. — Красивая.

Серьезно так смотрит, будто и правда так считает. Шумно втягиваю ртом воздух, вздрагивая от неожиданности:

— Убирайтесь.

— Мхм, — ловит пальцами прядь моих волос, выбившуюся из общей копны, и как-то уж слишком бережно для ма-ньяка заправляет за ухо. — На комплименты совсем реагировать не умеешь. Видимо не баловали тебя мужчины.

Руку от моего лица не отнимает, едва заметно поглаживая мою щеку.

Не баловали!

К чему мне эти лживые комплименты, если знаю, что далеко не красавица? Да и мужчины, — громко сказано, — потому что кроме Гены я и не встречалась больше ни с кем. А он скуп на пустые слова. Как он говорит: лучше делом доказывать, чем все эти глупости трещать.

Работает вот. В город меня сопровождает, когда не занят. Чтобы «городские не подкатывали». На дискотеку ходим почти каждую неделю. Хотя я и не очень люблю это дело.

Ничего против танцев не имею, но эти драки, которые там раз через раз случаются, меня порядком нервируют. А особенно то, что Гена неотъемлемый участник этого безобразия. Нападающий, либо разнимающий. Он говорит, это парни так иерархию соблюдают. «Чтобы всякая челядь знала свое место».

Бесцеремонная рука сползает на мою шею, осторожно оттягивая повязанный на ней платок, и к моему стыду напрочь отвлекая меня от мыслей о Гене. Кожа мурашками покрывается. А сердце начинает колотиться, словно от притока адреналина, когда вижу, как недобро темнеют голубые глаза.

Я понимаю, что он оценивает отметины, оставшиеся от рук Гены.

Мне неловко. Даже стыдно. А главное, я не понимаю, почему он так реагирует?

Страшно. Будто он что-то нехорошее задумал...

Но вопреки моим пугающим ожиданиям, он почему-то трепетно проходится пальцами по моей шее, вынуждая меня шумно сглатывать. Но ком в горле никуда не девается.

Мне отчего-то больно.

Не физически. Где-то в душе болит. Он будто жалеет меня. А от того становится не по себе.

Неужели я ему показалась настолько жалкой, что и правда меня спасти решил?

8.ОНА

К глазам слезы подступают, но я вздергиваю подбородок, не позволяя им пролиться на потеху безумца. Отталкиваю от себя его руку.

— Что это за реакция, милый ангел? — мягко спрашивает, чем еще сильнее приводит в замешательство. — Не привыкла к заботе?

— Привыкла! — огрызаюсь.

— К родительской, должно быть, — как-то уж слишком понимающе кивает он. — А с мужем очевидно прогадала.

Чувствую болезненный укол. Привычное отчаяние накрывает с головой, вынуждая захлебываться в собственных противоречивых эмоциях.

Да что он себе позволяет?!

— Не вам судить! — шиплю я, будто обороняясь. — Я вообще-то люблю его! Человек напился просто, а вы тут устроили не пойми что! Кем вы вообще себя возомнили? Проповедником о системе семейных ценностей?!

— И папе на него пожаловаться нельзя, — упрямо продолжает он. — Ведь у папы сердце.

— Не смейте еще отца сюда приплетать! — взвиваюсь. — Вы Гену не знаете! И меня тем более!

— Но плакать некому. Папу нельзя беспокоить. А перед женихом бестолку, — снова попадает в точку, и я чувствую,

что задыхаюсь от того, что кто-то произнес всю эту неприглядную правду вслух. — А что насчет мамы?

— Маме Галя и без того постоянно плачется! — взрываюсь я, больше не в силах сдерживать истерику.

Прячу лицо в ладонях, не желая, чтобы кто-то видел мои слезы.

Он будто все знает. Читает все ответы на моем лице, хотя мне казалось, что я давно научилась контролировать свои эмоции.

Не люблю я быть без повода! Это для слабачек, которые всех вокруг винят в своих проблемах. А я никого не виню! Сама во всем виновата!

Однако слезы катятся по щекам неостановимым потоком. Будто все, что накопилось за эти годы.

Слабачка! Чего ревешь? Ну-ка прекращай!

Ты свою жизнь сама выбирала. Никто не заставлял.

Сама отказалась учиться ехать в город, когда папа предлагал. Заочку выбрала, лишь бы не уезжать далеко. Вот, еще и трусиха к тому же!

И Гену обнадежила из-за своих принципов! Отдалась бы уже ему, и не было бы всего этого кошмара сегодняшнего!

Цирк просто! Терпеть не могу свадьбы! Это ведь все театр про то, как двое займутся непристойностями. И зачастую уже далеко не в первый раз. Зато официально! Вот и чего теперь слезы пускать? Сама ведь на этот цирк согласилась! Сама проблему на пустом месте создала!

Бревно немного проседает под весом безумца, когда он усаживается рядом со мной. Притягивает мою голову к своей груди, а я не могу сопротивиться. Только всхлипываю истерично.

— Вот так, — шепчет он, поглаживая мои волосы. — Умница.

Бездумно вцепляюсь пальцами в его рубашку, утыкаясь мокрым лицом в колючую шею, не в силах сдержать болезненного стоны.

— Нужно было раньше это сделать, маленькая, — его голос такой понимающий, что я на секунду успеваю и забыть, что он совершенно посторонний человек. — Тогда бы и не было так больно.

Все проблемы из-за меня. Говорила мне мама, что я — девочка-катастрофа! Порчу все, к чему прикасаюсь!

— Я устала! — почти кричу в его воротник, что уже промок от моих слез. — Устала!!!

— Кричи, — гладит мою спину. — Кричи, малышка. Сейчас легче станет.

— За что вы так со мной? — до боли в пальцах сжимаю его рубашку. — Что я вам сделала?!

— Ты мне понравилась, — отвечает он спокойно.

От неожиданности икаю и отстраняюсь, заглядывая в голубые глаза. Даже в сумеречном свете вижу, что они серьезные.

— В смысле? — переспрашиваю, потому что надеюсь, что

неправильно поняла.

Взрослый мужчина. Огромный как скала. И вынуждена признать, красив, как сам дьявол. Да он ведь меня не знает совсем. Как я могу ему нравиться?

Мой взгляд мечется в полутьме по его лицу, пока я пытаюсь понять наконец в чем подвох нашего странного знакомства. Может в рабство меня продать хочет? На органы? На панель, в конце концов?

В лесу становится совсем темно, а потому мое воображение начинает играть со мной злую шутку. Мерещится, будто глаза незнакомца как-то подозрительно пристально следят за моими губами.

Глупости, Соня.

Чужая жена. Из деревни. Даже работу себе нормальную найти не могу. А он вон весь какой... На кой я ему сдалась?

Так не бывает. Нужно реально смотреть на вещи. А глупые мечты о принцах, которые на голову свалятся и спасут принцесс от всех бед, стоит оставить для деревенских дураков! Он точно что-то не то имеет в виду!

Хаотичный поток мыслей схлопывается вмиг, когда чужие губы находят в темноте мои...

Не успеваю сдержать странный стон, что врывается в рот безумца, и возвращается ко мне его голодным рыком. По телу прокатывается обжигающая волна.

Огромная ладонь запутывается в моих волосах, тогда как вторая, крепче сжимает мою талию. Притягивает ближе.

Оказываюсь на его коленях, в согревающих объятиях.

В мой рот проникает горячий язык, и я будто по инерции прохожусь по нему своим.

Что я творю... Что я творю, мамочки?! Замуж вышла! Сегодня только замуж вышла, бессовестная!

Упираю руки в жёсткую мужскую грудь. И к моему удивлению незнакомец поддается:

— Боже, какая же ты потрясающая, — окутывает меня своим бархатистым баритоном, и с каким-то остервенением снова впивается в мой рот.

Он согревает меня собой, не позволяя опомниться. Кутает в свой пиджак, будто желая уберечь от всего на свете.

Ангел. Красивая. Теперь вот потрясающая. Я в жизни столько комплиментов не слышала...

Сумасшедший незнакомец, который украл меня с моей свадьбы. Привез в лес. Заставил разрыдаться, как маленькую. Разул. Посмел обнять. Целовать...

Чувствую, как он отодвигает платок с моей шеи. Требуемые губы отрываются от моего рта и спускаются ниже. Бездумно откидываю голову, позволяя ему стереть с моей кожи следы от грубых прикосновений Гены.

Безумие какое-то...

Я ведь уже чужая жена. Так нельзя.

Нужно немедленно остановить его.

Или... себя?

9.ОНА

Не успеваю опомниться, когда мы оказываемся в его машине. Почему я не отталкиваю его?! Я ведь даже имени его не знаю!

Кто он? Откуда взялся?

Но я уже лежу перед ним на откинutom сиденье, а он нависает сверху. Целует мою кожу, в глубоком вырезе корсета, вынуждая все тело покрываться мурашками.

Так нельзя, Соня... Нельзя!

— Не надо, — предпринимаю я попытку. Слишком неуверенную, пожалуй.

Упираю руки в его жесткую грудь, вынуждая мужчину отстраниться.

Подчиняется. Заглядывает мне в глаза, которые кажутся одурманенными в свете приборной панели.

— Не бойся, — трепетно проводит шершавыми пальцами по моему лицу. — Я тебе покажу, как тебя любить должны, ангел. Нежно.

Любить? О нет-нет-нет... Речь далеко не о той любви, ду-реха!

Ты ведь Гену любишь. И он тебя! Очнись!

Сердце колотится, как сумасшедшее. Чувствую себя слишком незащищено перед ним. И даже как-то глупо.

Я ведь не могу дать ему то, чего он определенно сейчас

хочет. У меня-то и опыта нет, а он вон какой...

Уже когда я почти собрала в кулак всю свою решимость, его голова вдруг скрывается под подолом моей пышной юбки.

Зачем он... В смысле...

О черт!

Тело словно электричеством пробивает, вынуждая непроизвольно выгнуть спину. Вцепляюсь пальцами в края кресла, кажется оставляя царапины на кожаной обивке. С губ слышится высокий стон...

Где-то на задворках сознания еще бьется разумная жилка. Гена. Гена...

Помнится, Гена говорил, что подобные ласки унижительны для мужика.

Однако незнакомец сейчас явно не чувствует себя униженным. Наоборот. Он будто полностью владеет ситуацией. И моим телом в том числе. Я бы даже если захотела сейчас не смогла бы вырваться.

Горячие ладони крепко удерживают мои бедра, чтобы я не ерзала. Но это просто невыносимо...

Стыд острыми спицами колет где-то в районе затылка, тогда как по позвоночнику растекается теплая патока.

Никогда подобного не испытывала.

Он наконец прерывает сладкую пытку, выныривает из-под подола и нависает надо мной, с той же жадностью впиваясь в губы.

— Ты восхитительна, — хрипит он в мой рот.

Я слышу шелест фольги и с удивлением понимаю, что назад дороги нет. Он даже безопасностью озаботился. Мне его не остановить. Да и было бы желание.

Вернее, желание есть. Но совершенно не то, которое подходило бы украденной невесте.

Хочу узнать, как меня нужно любить...

Соняя... Позорище.

— Не надо, пожалуйста, — шепчу я в надежде, что хотя бы он найдет в себе силы остановиться. — Я ведь замуж... вышла...

Связки сдавило от стыда.

— Плевать, — подцепляет кончик моего носа, и коротко целует в губы, как и я, задыхаясь от тяжелого дыхания. — Если ты только захочешь... будешь моей. Можешь даже ничего не говорить. Просто останься со мной...

Уже плохо соображаю, о чем он говорит, но в каждом его прикосновении столько нежности, что тело буквально просится в его мощные, но удивительно бережные руки.

И он это чувствует. Подается ко мне, прижимая всем своим весом к сиденью. Чувствую, как хрустит ткань моих трусиков. И это на мгновение приводит в чувство. Однако он не дает моей совести пробудиться. Отвлекает поцелуем. И я понимаю, что уже сама подаюсь ему навстречу.

Один рывок. Больно. Но не настолько, насколько я себе это представляла. Хотя может все дело в этих губах, что

словно болеутоляющее скользят по моей коже. Или же в голосе, что время от времени шепчет что-то неразборчивое, успокаивая меня одним своим тембром:

— Где же ты раньше была, девочка, — прикусывает мочку. — Сокровище мое... пряталась от меня...

Мне нравится. К моему стыду... мне очень хорошо с ним. Мое тело содрогается от удовольствия.

Бесстыдно зарываюсь пальцами в темные волосы. Вцепляюсь губами в колючую кожу на его мощной шее. Прохожусь по ней языком, прямо как это делал он, вызывая эту смущающую дрожь в теле.

Хочу, чтобы ему тоже было хорошо со мной. Хочу быть взаимна за удовольствие, что он дарит мне.

— Будь моей, девочка, — хрипит он у моего уха. — Умоляю... Только будь моей. Я заберу...

В моей голове начинают взрываться фейерверки, и весь мир будто исчезает, тогда как я проваливаюсь в бездну, испытывая нечто сродни эйфории от свободного падения.

Вот и все. Я так долго береглась, чтобы на собственной же свадьбе отдаться другому?

Судя по ощущениям, я ни о чем не жалею.

Ой, дура!!!

Открываю глаза, в надежде, что это все мне только приснилось.

Перед глазами мелькает приборная панель, а моя рука в

горячих силках крепкой мужской ладони. Перевожу боязливый взгляд на обладателя огромной лапищи и едва на месте не подскакиваю.

Дьявол! Не приснилось!

Спит. Ну хоть что-то в мою пользу.

Нереально красивый. Таких обычно по телеку показывают. А тут на мою голову свалился. Я же для него развлечение, не больше. Уж если наши парни бесконечно спорами развлекаются, то уж городским мажорам тем более — не чуждо.

Рассвет уже.

Вот же натворила я делов...

И что теперь делать?! Как я Гене в глаза смотреть буду?

Спокойно. Надо для начала его найти, только зайду домой переодеться, на платье остались пятна крови. Стыдоба.

Чувствую, как лицо горит. Бросаю короткий взгляд на безумного незнакомца, стараясь запечатлеть его образ в голове и дергаю ручку двери.

Он ведь обещал, что мы больше никогда не встретимся.

Прощай, джин.

Кажется, где-то глубоко внутри, я уже все решила...

10.ОН

Несколько месяцев спустя...

— Ну, Ром, мама уже подъезжает! Ты же не можешь работать вечность? — ноет Лина у моего стола.

— Могу, — отвечаю равнодушно, даже не поднимая на нее взгляд. — Именно этим я и занимаюсь. И помнится я просил не входить в мой кабинет, когда я занят. Все неотложные вопросы мы можем решить и по телефону.

— Выходи, как закончишь! — фыркает Лина, и вылетает из моего кабинета.

Да, все как раз так. Лишь бы не отвлекаться от работы. Тут хорошо и привычно. И этой пустоты не ощущается.

У моего мозгоправа возникла новая тупейшая идея. Он рекомендовал мне обзавестись семьей, после того, как послушал, какое наваждение со мной случилось на чужой свадьбе, — об этом вообще лучше не думать... А почему бы нет, решил я. Вряд ли есть куда хуже. Потому, недолго думая, позвал замуж единственную близкую мне женщину – Лину.

Мы условились, что свадьбы как таковой не будет. Распишемся по-тихому, и она переедет ко мне. Но все пошло не по плану, как только я сделал ей предложение.

Во-первых, она не стала дожидаться штампа в паспорте, и еще за пару месяцев до назначенной даты переехала ко мне.

Бесит. Но мой психолог – шарлатан, говорит, что семья

складывается именно тогда, когда двое выходят из зоны своего комфорта и идут навстречу друг к другу.

Ну ок, попробуем. Хотя пока я только из себя выхожу, из-за вечного присутствия кого-то в моем обычно пустом доме.

Второе, что пошло не по плану, это маниакальная любовь Лины с ее мамой. Я просил никого не звать на роспись, а по возможности и вовсе не сообщать никому о нашем решении. И тому, по сути, тоже послужил причиной мой летний «срыв». Но Лина тут же ударилась в слезы: «невеста должна иметь возможность обнять мать, когда покидает отчий дом».

Я, конечно, предпринял попытку ее урезонить, напомнив, что отчий дом она покинула уже лет семь назад, да и отчий — от слова отец, а о нем она вообще редко упоминает. Хотя мне почему-то заочно по душе этот неизвестный мужичок. Куда больше чем будущая теща, с которой Лина чуть ли не ежедневно трещит по телефону.

— Только мама, клянусь! — заверяла меня Лина, когда мы в очередной раз заговорили о свадьбе. — Папа в силу здоровья просто не поедет.

Точно.

«У него сердце большое, доброе и слабое», — подсказывает нежный голос из моих воспоминаний, что я всячески пытаюсь заблокировать.

— Он же сердечник, — озвучиваю.

— О, разве я рассказывала? — удивляется она.

Вообще нет. Не рассказывала. Она вообще мне как назло

ни о ком, кроме своей матери не рассказывает!

Соня... Все что мне осталось от НЕЕ. Ее имя.

Хотя оно и к лучшему. Девочка свой выбор сделала. И я не вправе и дальше портить ей жизнь. И без того наломал дров...

— А сестра? — спрашиваю я, боясь даже попробовать проносить ее имя вслух. Кажется, взорвусь. С ума сойду.

— Она папу ни за что одного не оставит, — отвечает, и я не могу сдержать облегчённого вздоха.

Не выдержу встречи с ней. Опять глупостей наделаю.

— Даже в общагу отказалась переезжать, лишь бы с папочкой остаться, — продолжает Лина. — Боится за него. Хотя мне кажется это уже перебор.

Одна мысль, что такой ангел живет со мной на одной земле, вселяет веру в человечество.

А я запятнал ее. Скот.

Я же ее с первого взгляда будто разгадал. И страшно представить, как эта невинная девочка себя корила за случившееся. А ведь только я виноват. Ей стоило разбудить меня и высказать все, что думает. Но она просто сбежала...

Тем утром я проснулся в одиночестве. Понял, что напугал. Подумывал даже, что стоит ждать по свою душу ментов. Борщинул, не спорю.

Набрал тогда Лине, и как бы промежду прочим спросил, где же сейчас невеста.

— Так ясно где, — усмехнулась она. — Мама говорит

она с рассветом пришла, переоделась и снова к своему мужу умчалась на всех парах. Сказала сегодня не ждать. Счастливые!

Каких усилий мне стоило не сорваться, чтобы поехать за ней. Не попытаться доказать, что она достойна лучшего, чем это дерьмо...

Но разве властен один человек над желаниями другого. Я вот даже с собственными не в силах совладать.

Бездумно пялюсь на фотографию, что стоит на столе, когда будто наяву слышу голос той, что во мне вызвала неестественную одержимость.

— Ой, извините...

Замираю. Даже дыхание задерживаю неосознанно.

Чертовка, она теперь мне еще и галлюцинациями документать будет. Мало мне, что я от мыслей отделаться до сих пор не могу, как не стараюсь.

Из какого-то непонятного гипнотического транса меня выдергивает хлопок двери. Поднимаю очумевший взгляд.

Нет никого. Даже если ее голос мне и почудился, то дверь уж точно хлопнула вполне натурально.

Неужели она все же приехала? Лина ведь клялась, что никого кроме матери не будет...

Поднимаю со стола телефон и набираю своей будущей жене:

— Мать встретила? — неосознанно поднимаюсь из кресла и прохожусь к двери, будто желая убедиться, что мне по-

казалось

— Да! Я вот маме дом показываю. Ей понравилась мансарда с кинотеатром. Говорит, надо будет взять на вооружение и тоже телевизор на чердак переставить, — смеется. — Ты скоро?

— Она одна приехала?

— Ну конечно, — удивляется. — Как договаривались.

— Ясно, — кладу трубку и открываю дверь.

Ну и что это было?

Лина в мансарде. Прислугу я в доме не держу, хотя Лина и отчаянно пытается с этим укладом побороться.

Сквозняк?

Хмм... До моего слуха доносится шум воды из-за двери, что ведет в гостевой туалет, который почти напротив моего кабинета.

Приведение мое...

Походу и правда крыша едет.

Я буквально кожей ощущаю ее присутствие. По коридору протянулся шлейф ее аромата. Лимонная мята.

Шкура дыбом встает, будто от какого-то сладкого предложения...

Дверь из туалета отворяется, и прямо мне навстречу выплывает мой ангел.

11.ОН

Мерещится?

Точно голова поехала. Лина ведь отчетливо сказала, что только мать приехала.

Но как же я сейчас благодарен за этот глюк...

— Соня, — пожалуй впервые произношу это имя вслух.

Мне нравится, как оно прокатывается по языку.

— Сонечка...

Подступаю ближе и накрываю хрупкие плечи ладонями. Затягиваюсь ее запахом, прикрывая глаза от удовольствия.

Сумасшествие.

— Мой ангел, — выдавливаю охрипшим голосом, — ты пришла, чтобы мучить меня?

Мое видение молчит. Должно быть так и ведут себя галлюцинации.

Плевать уже. Целую тонкую шею, наслаждаясь своим безумием.

— С ума меня свела, чертовка.

— Вы ведь первый это начали... — вдруг отвечает она.

Поворачиваю ее к себе и впиваюсь в губы нетерпеливым поцелуем, согревая ее прохладные щеки в своих ладонях. Как же я этого ждал...

Она поддается. И это такой кайф.

Мне столько нужно ей сказать, пока снова не исчезла.

Отстраняюсь:

— Я все время думал о тебе.

— И я... — теплом прокатывается по всему телу такой желанный ответ.

— Тогда почему выбрала своего этого жениха? — злюсь.

Хотя бы на этот мираж я ведь имею право разозлиться!

— Я не... — замолкает, встрепenuвшись.

Переводит взгляд в холл, и я буквально вижу, как стекленеют ее глаза, пряча настоящие эмоции за непроницаемой маской.

Упирает ладошки мне в грудь отталкивая. И столько ненависти от нее чувствую, что кажется сейчас захлебнусь.

— Так вы и есть... жених Гали?! — шепчет сдавленно.

Какого...

Черт! Пытаюсь прийти в себя, но выходит плохо.

Это она. Во плоти и крови. Собственной персоной передо мной. А вовсе никакой не глюк, придурок!

Дьявол, да лучше бы у меня крыша съехала!

— Соня? — как последний идиот, переспрашиваю я. — Лина же заверила, что ты...

Лина — сука, как смела меня обмануть! Я ведь и свадьбу-то отказался играть, только чтобы ЕЕ снова больше не встретить! Херни опять не наделать!

Сколько минут прошло, как я ее увидел? Ну и как?! Не наделал ли случайно?!

Теперь и вся ее ненависть вполне объяснима.

— Глупая... Зачем ты приехала?! — рычу, понимая, что не на нее сейчас должен злиться. И даже не на Лину. Сам виноват во всем!

План заведомо был идиотским! Рано или поздно это должно было случиться. Не поцелуй. Наверно... Встреча эта нежелательная. Но я рассчитывал избегать ее покуда это будет возможно. Пока не остыну к ней.

Признаться, когда делал предложение Лине, надеялся, что к назначенной дате свадьбы уже должен выветриться образ Сони из головы. Ан-нет...

Он не только не выветрился. Будто засел еще глубже и настолько укоренился в моем сознании, что каждый день «после» становится все невыносимее.

Вот теперь смотрю на нее, и осознаю, что только сейчас в полной мере вдохнуть смог. Только вот эта плохо скрываемая ненависть в прекрасных серебристых глазах не позволяет выдохнуть.

Обидел. Я ведь грубо поступил тогда. Она просила остановиться, но я будто и не слышал ничего. Зато отпечатались в моем сознании так эти ее просьбы, что порой спать не могу. Корю себя за то, что натворил.

А теперь еще и предстал перед ней в роли жениха ее сестры.

Черт!

— О, Сонь, и ты тут? — слышится голос Лины совсем близко. — Уже познакомились?

— Мы знакомы, — цежу я, не отрывая взгляда от девушки, что украла мой спокойный сон одним своим существованием.

— А, точно! Вы же на Сонькиной свадьбе даже потанцевать успели, — вспоминает Лина начало той фатальной встречи, и подхватывает меня под руку.

А меня коробит. От Лины. От одной только мысли о том, что Соня чужая жена.

— Ну не злись, Ром, — продолжает нудить Галя. — Я правда не думала, что они всем скопом приедут. Думала только мама...

— Мужа своего тоже привезла? — бездумно спрашиваю я, продолжая таранить Соню пристальным взглядом.

Равнодушно не выходит, в голосе буквально сочится неприкрытая беспочвенная ревность. Благо родители задержались в холле. А Галя как всегда слишком занята собственной персоной, чтобы расценить в этом вопросе угрозу для нашего будущего брака.

Хочу, чтобы она ответила, что развелась со своим этим хмырем! Я сейчас буквально продумываю план, как мне украсть ее.

— Да ну, Ром, — продолжает отвечать за Соню Лина. — Гена ведь без продыху работает! Ну не ворчи. Только родные. М?

Лицо моего ангела непроницаемо. Только дыхание нарочито глубокое, что заметно даже под несуразной безразмер-

ной курточкой. И серебристые глаза глядят обвиняюще.

Должно быть этот Гена потрепал ей нервы за сорванную первую брачную ночь. И даже несмотря на это – она ведь его выбрала.

Может порвать помолвку, и увезти Соню куда подальше?

Как же я хочу. Прямо сейчас, закинуть ее на плечо и уволочь. Спрятать от всех! Позволить ей высказать все, что она обо мне думает. И судя по тому, как я быстро научился разгадывать ее эмоции, ей сейчас явно многое есть что мне сказать.

А она просто разворачивается и топает в сторону холла, где ее мать что-то ворчит на отца. Вижу, как она подхватывает мужчину под руку: то ли его держит, то ли сама поддержки ищет.

— Комнату родителям покажи, — велю я Лине, понимая, что надо срочно избавиться от лишних глаз, пока меня не взорвало от этой непредвиденной встречи.

— Так я же маме уже показала спальню на втором этаже, которую мы с тобой обсуждали. Дальше они сами разберутся.

— Другую комнату. На первом надо!

— Зачем это? — искренне недоумевает Лина.

Закатываю глаза и наконец перевожу взгляд на свою невесту:

— Галя, отец до сих пор дальше холла не ушел, потому что отдышаться не может. По-твоему, несколько раз в день

ему будет комфортно подниматься на второй этаж?

Выхожу из коридора, желая поприветствовать родителей Сони.

— Устал? — бормочет она тихо отцу. — Может лучше домой вернуться?

Сбежать от меня хочет.

— Да что ты, дочка, — выдыхает он. — Мне бы полежать. Да пойдем погуляем. Город посмотрим. Это я просто с дороги утомился. Отдохну и все хорошо будет. Ты же у меня Москву и не видела толком.

— Насмотрелась уже, — слышу, что голос дрожит.

Слежу за пальчиками, что от безвыходности начинают расстегивать балахонистую куртку.

— Лина вам покажет вашу комнату, — обращаюсь к родителям. — А я Соню провожу...

Осекаюсь, когда мой ангел стягивает с плеч курточку, и моему взгляду предстает нечто удивительное.

Округлый животик, что при миниатюрной фигурке Сони кажется весьма выдающимся.

Беременная...

— Не утруждайтесь. РОМАН, — едва ли не по буквам, впервые, выговаривает мое имя и растягивает свои пухлые губки в неестественной улыбке, вынуждая меня задохнуться, словно от удара под дых. — Вы укажите направление. А я сама как-нибудь разберусь.

12.ОН

В душу закрадываются противоречивые чувства. Нежность. И необузданная ревность.

У нее будет ребенок. Но не от меня.

Не украду. Она явно для себя решила, чего хочет от жизни. А вернее – кого. И это не я. Она носит ребенка от своего мужа.

И бог свидетель, как я теперь жалею, что тогда воспользовался с ней защитой. Сейчас бы они были моими. И ребенок, и Соня.

— Вас можно поздравить, Соня, — выдавливаю я сухо. — Ваш муж явно не стал откладывать в долгий ящик вопрос с продолжением рода.

Если бы она только отказалась от этого своего Гены, я бы весь мир положил к ее ногам. И ребенок ее жил бы как в сказке...

Я конечно мог бы заставить ее сделать выбор в мою пользу. Но не хочу, чтобы она стала несчастлива из-за меня. Достаточно уже наворотил.

— Ой, и не говорите! — усмехается мать Лины. — А Галя не рассказывала, что скоро теткой станет?

Конечно нет. Она кроме как залипать в соцсетях, снимая свои ролики бесконечные, и трещать с матерью и подругами по телефону вообще мало рот открывает. А я ведь считал

это плюсом.

Могла бы и поделиться, что сестра беременна.

Хотя я и сам не знаю, что мне проку от этой информации. Но кажется я бы хотел знать о ней все. Как живет, что ест, чем занимается...

— Когда только успевают? — мать Гали определенно куда более охочая до разговоров, нежели все ее семейство. — Генка, чуть свадьбу отгуляли, на заработки в Москву отправился. Вроде они знаки дорожные ставят. Молодец парень!

Она все продолжает говорить, и я буквально слышу, как скрежещут мои зубы от каждого ее слова.

Что делать, если я завидую простому деревенскому пацану? Я сам готов идти дорожником работать, согласись она из-за этого стать моей.

Где та касса, в которую я мог бы отдать все что имею, взамен на ее сердце?

Но она же сказала, что тоже думала обо мне...

Конечно, думала, кретин! Разве легко забыть о насильнике?

Кажется, голова готова взорваться от угнетающих мыслей.

Стоило ее снова встретить, как во мне будто чеку выдернули, пробуждая неистовое желание жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.